
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

Г.А. Воробьев*Пятигорский государственный**лингвистический университет**г. Пятигорск, Россия*

redaction-el@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭНТРОПИЯ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В ПРОСТРАНСТВЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ****[Gennady A. Vorobyev Social entropy and socio-political uncertainty
in the space of the reproduction of social reality in the Russian society]**

The reproduction of social reality as the maintenance, conservation and change in the society is clearly "inscribed" in the coordinates of social when cultural transformation of the socio-political uncertainty in the space of the reproduction of social reality is closely connected with the factor of power and the political elite. Socio-political uncertainty exists in the conditions when it is not clear, neither the nature nor the number of possible solutions or outcomes of the proposed options, i.e. in a situation when the probability of any event cannot be established. Socio-political uncertainty in the space of the reproduction of social reality is presupposed by a controversial course of political transformation in Russia.

Key words: social entropy, social reality, socio-political uncertainty, reproduction of social reality.

В социально-философском дискурсе категория социальной энтропии способна выступать как аналитический инструмент, дающий возможность «работать» с социальной реальностью, поскольку данная категория способна упорядочить многообразие значений, смыслов и социальных практик, связанных с процессами социального порядка/хаоса, социальной дезорганизации и социальной упорядоченности. Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности связана с фактором власти и политической элиты. При этом воспроизводство социальной реальности как поддержание, сохранение и изменение общества отчетливо «вписано» в координаты социокультурной трансформации.

Д.Е. Палатников связывает социально-политическую неопределенность с комплексом динамических взаимодействий порядка и хаоса. Характеризуя социально-политическую среду как динамическое взаимодействие трех основных уровней, автор пишет, что система самоорганизации политической среды представляет собой образование и функционирование устойчивые политических структур. Образование этих структур можно представить как процесс спонтанного выбора из множества кооперативных политических взаимодействий тех, что обеспечивают синхронизацию функционирования образующихся политических структур [8].

В России становление современной политической системы совпало по времени с рыночными экономическими преобразованиями. Новая система начала формироваться практически мгновенно после разрушения партии-государства. Трансформация российской политической системы выдвинула на передний план проблематику влияния политических акторов на общество, механизмов образования, функционирования и взаимодействия политических институтов, а также рекрутинга и функционирования политической элиты. Демократические процессы, затрагивающие все сферы общественной жизни, формирование рыночной среды и конкурентных начал привели к необходимости апелляции к мнению граждан по всем важнейшим вопросам. В таких условиях выборы должны были взять не себя функцию не только формирования легитимных органов власти, но и политического представительства интересов больших социальных групп. Однако в итоге современная российская политика существенно отклонилась от заданного демократического курса.

В результате российской политической системе стали присущи такие характерные черты, как номинальность разделения властей при сосредоточении основного властного ресурса в руках президента, узкого круга лиц из номенклатуры и крупного бизнеса, авторитарно-олигархический тип управления с сохранением основных демократических процедур, подконтрольность исполнительной власти президенту.

По определению И.А.-Г. Биджева, неопределенность порождает социально-политическую напряженность, которая в свою очередь приводит к неустойчивости социально-политической системы, нарушает работу государственных механизмов и оказывает деструктивное влияние на функционирование старого порядка [1]. Исследователи исходят из того, что устойчивость

социально-политического развития обеспечивается системой отношений «политические партии – государство – общество», которая связана во многом с согласованием интересов, создающих для всех субъектов и институтов системы социально-политических отношений пространство устойчивого развития. Если же начинается кризис социально-политических отношений, то это ведет к нарушению равновесного состояния, в перспективе к деградации, распаду и даже возможной катастрофе системы. Разрыв связей между субъектами социально-политической сферы предвещает гибель данной системы социально-политических отношений, когда исчезают все или же большинство ее составляющих [5]. Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности – это отсутствие заданности, пределов. Неопределенность возникает в условиях неясности характера, количества возможных решений и результатов предложенных вариантов, когда не может быть установлена вероятность наступления того или иного события. Ситуация политической неопределенности представляет собой особенный момент функционирования и развития политической системы, который делает ее дальнейшее развитие неустойчивым и нестабильным [1].

С.А. Красиков обращает внимание на то, что в ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности как наступления объективно неблагоприятного последствия, так и вероятности обретения благ и выгод, в обществе возникают и нарастают риски. Увеличение рисков и настоятельная необходимость управления ими с учетом возрастания роли таких факторов, как самоорганизация и самоуправление политических акторов в условиях развития российского общества, представляющего ныне новую социальную реальность, становится отличительной чертой российской современности [4].

Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности обусловлена противоречивым ходом политической трансформации в России. Так, исследователи Центра стратегических разработок отмечают, что особенностью текущей политической ситуации является снижение эффективности различных элементов политической системы, которые в прошлом успешно работали на ее благополучие. В то же время такие процессы, как ослабление тандема в результате рокировки, старение политических брендов, исчерпание риторического ресурса

и сбои в системе партийного манипулирования во многом обусловлены внутренней логикой развития политической системы и носят необратимый характер. В итоге, политическая система исчерпывает ресурс саморазвития именно тогда, когда структурные изменения российского общества ведут к системной политической трансформации [2].

Отсюда – социальный и политический риск – возникновение ситуации с неопределенностью, основанной, по определению С.А. Красикова, «на дихотомии реальной действительности и возможности как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно рефлексировается самоорганизованными акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего ими принимаются решения и осуществляется выбор альтернативы действия». Последствия рисков носят двойственный амбивалентный характер. С одной стороны, риски ведут к утратам и росту нефункциональности всех систем общества, с другой – риски могут способствовать увеличению статусно-ролевой функциональности членов общества [4].

Социально-политическая реальность отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов. Все это выводит на проблему человека в политическом измерении. Политика нередко воспринимается как поле действия больших социальных общностей, государственных институтов, партий, известных политиков. Отдельный же человек в политических процессах нередко представляется малозначимой единицей, не способной повлиять на их развитие. Действительно, роль обычного человека, не причастного к принятию политических решений, в практической политике не следует преувеличивать. Она может меняться в зависимости от уровня развития демократии, типа государства, исторического периода, порой доходя до очень малых величин. Но в любом случае отдельный человек не может быть полностью исключен из сферы политических отношений, поскольку он является их объектом и субъектом.

Критический анализ современной социально-философской литературы позволяет утверждать, что постановка вопроса о взаимодействии социальных общностей и политики предполагает признание их существования как объектов социальной реальности, разделенных друг от друга в пространстве и времени.

Так, философ и политолог В.Д. Зотов отмечает, что проблемное поле политической философии мечется между двух полюсов – объективной реальностью государства и власти и «политическим человеком», обладающим всей системой ценностей, свободной волей, идеалами, моральными принципами, отсутствие которых или безразличное отношение к ним приведут общество к распаду.

При этом одним из главных критериев различия между закрытыми, слабо динамичными, досовременными обществами и открытыми современными обществами, для которых характерны усложняющаяся социокультурная динамика, флуктуации, бифуркации, рассинхронизация различных форм жизнедеятельности становится сам факт наличия неопределенности и риска в самых разнообразных формах человеческого творчества и деятельности. При этом риски неравномерно распределены между социальными группами и общностями, по-разному воспринимаются ими и социально конструируются, что накладывает негативный отпечаток на формирование уровня доверия к социальным институтам и власти. Соответственно, применимо к современному обществу приходится говорить о социально-культурной дисперсии рисков [4].

Понятие «политика», имеющие древнегреческие корни, традиционно рассматривается в качестве особой сферы деятельности, включающую властные отношения и взаимодействия между людьми, членами группы, институтами, народами, нациями и государствами. В обыденном понимании политика обычно трактуется как совокупность проблем государственного управления, так как история наглядно демонстрирует, что политическая жизнь в рамках истории не выделялась из общей суммы общественных явлений и была всецело подчинена государству. Однако не стоит смотреть на политику только через призму вопросов государственного управления и регулирующей роли государства в жизни общества. Политическая сфера обширна, она включает в себя всю совокупность властных отношений. Соответственно, политический человек предстает в различных проявлениях, но главным представляется определение его роли, значимости в обществе. Без осуществления власти невозможно коллективное существование людей, согласование их пересекающихся интересов. Власть посредством прямого и косвенного воздействия на граждан способна нейтрализовать напряженность и конфликтность, создавать условия для стабилизации общественной системы и осуществлять регулятивные функции.

Стремясь адекватно отразить сущность социально-политической неопределенности как фактора нарастания социальной энтропии в российском обществе, Д.Е. Москвин оперирует понятием институциональной неопределенности, которая связана с тем, что акторы социальной и политической коммуникации не способны найти компромисс в отношении политических и поведенческих процедур и правил. Согласно Д.Е. Москвину, можно говорить о доминировании политических практик, претендующих на регулярность. Вектор трансформации постоянно изменяется, целью становятся системная стабильность и политический порядок, понимаемые как четко установленные «правила игры». В этой связи авторитарный тренд, берущий свое начало в истоках путинской эпохи, может трактоваться в качестве попытки преодоления фактора институциональной неопределенности [7].

Иная оценка современной политической реальности содержится у Д.Е. Фурмана, который пишет, что, «быстро пройдя через романтический революционный период становления, а затем изживания хаоса и построения авторитарного порядка и достигнув «зрелости» – максимально возможной для нее управляемости, – система погружается в период чисто инерционного существования, аналогичный периоду «застоя» в советском цикле развития». За этапом зрелости идет этап склеротической старости и приближения «последнего кризиса» [9]. Социальная инерционность в динамике социокультурных перемен, на которую обращает внимание Д.Е. Фурман, выступает негативным фактором, замедляющим социальные нововведения, что в целом обусловлено инерционностью культуры, мышления и социального поведения. При этом определяющую роль играет целенаправленная политика властных элит как доминирующих субъектов социального действия, преследующих цели удержать свое влияние.

Недаром, к примеру, отечественный социолог Н.А. Матвеева исходит из того, что инерция есть механизм взаимодействия социального субъекта с социальной средой в определенной социальной системе, механизм самосохранения социального субъекта, обеспечивающий воспроизводство социальной среды и системы в целом. Инерция (инерционность) как социологическое понятие, – полагает она, – должно использоваться при исследовании динамики общественного развития, степени устойчивости общества и отдельных его подсистем, тенденций развития социальных систем, степени индивидуальной и социальной субъектности человека и общества [6].

Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности отражается в процессах ее восприятия социумом. Так, описывая изменение политических настроений россиян после президентских выборов 2012 года, эксперты Центра стратегических разработок обращают внимание на наличие «выученной беспомощности» как нарушения мотивации в результате пережитой субъектом неподконтрольности ситуации, т.е. независимости результата от прилагаемых усилий («сколько ни старайся, все равно без толку»). На индивидуальном уровне подобный синдром впервые описали американские психологи М. Селигман и С. Майер, указавшие на следующие источники формирования беспомощности: 1) переживание индивидом неблагоприятных событий в контексте отсутствия возможности контролировать события собственной жизни; 2) опыт, связанный с наблюдением беспомощных людей (например, телевизионные сюжеты о незащищенных жертвах); 3) авторитарный стиль руководства [3].

Выученная беспомощность проявляется недостатком в мотивационной, когнитивной и эмоциональной областях. Мотивационный дефицит проявляется в неспособности активно действовать и менять ход развития ситуации. Когнитивный дефицит видится в неспособности приобрести эффективные навыки для решения той или иной ситуации. Дефицит в эмоциональной области проявляется в подавленном, депрессивном состоянии, вызванном ощущением собственной бесполезности. Появление и развитие синдрома социального синдрома выученной беспомощности у российского населения имеет глубокие исторические корни, однако, был заметно усилен политическими преобразованиями В.В. Путина (в частности, фактическая отмена выборов на всех уровнях) [3].

Проблема создания общества с демократическим режимом неизбежно требует смещения акцентов от административно-государственного управления к управлению политическому. Однако общество переходного типа, каковым является российское, как бы соединяет в себе элементы старой и новой политической системы, для него характерны противоречивость и фрагментарность законодательства, отсутствие механизмов гражданского общества, плохо предсказуемая смена политических элит, манипулятивные политические технологии.

По большому счету у российского политического класса свои интересы и свой курс, что полностью соответствует условиям социально-политической

неопределенности. Согласно Л.Ф. Шевцовой, либеральная фразеология позволяет не только развивать рыночные отношения в форме, облегчающей присвоение рыночного продукта правящим классом, но также способна обеспечить «встраивание» российской элиты в западный социум при сохранении национал-державного курса внутри России. Правящую элиту гораздо больше беспокоит вероятность «горбачевского синдрома», связанного с утратой властной монополии на власть. Россия проскочила этап «застоя» в годы путинского президентства, которое воспринималось как «подъем», и вступила в период стремительной деградации и социальной архаизации [10].

Многие аналитики сходятся на том, что формирование гражданского общества является одной из центральных задач в сфере социально-политического развития современной России. Современное демократическое государство уже не может эффективно функционировать только в рамках институтов власти. Поэтому развитие взаимодействия гражданского общества и партийной системы в современной России предопределяется эволюцией как самого гражданского общества, так и тех его структур и институтов, которые обеспечивают политическое и функциональное представительство в политическом процессе.

Таким образом, воспроизводство социальной реальности как поддержание, сохранение и изменение общества отчетливо «вписано» в координаты социокультурной трансформации, когда социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности тесно связана с фактором власти и политической элиты. Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности - это отсутствие заданности, пределов. Неопределенность существует в условиях, когда не ясны ни характер, ни количество возможных решений, ни результаты предложенных вариантов, то есть в ситуации, когда вероятность наступления каких-либо событий не может быть установлена.

Социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности обусловлена противоречивым ходом политической трансформации в России. Отсюда социальный и политический риск – возникновение ситуации с неопределенностью. Общество переходного типа, каковым является российское, как бы соединяет в себе элементы старой и новой политической системы, для него характерны противоречивость и фрагментарность законодательства, плохо предсказуемая смена политических

элит, манипулятивные политические технологии. У российского политического класса свои интересы и свой курс, что полностью соответствует условиям социально-политической неопределенности. Сама же социально-политическая неопределенность в пространстве воспроизводства социальной реальности заставляет лидеров и политическую элиту маневрировать, одновременно с этим совершенствуя «вертикаль».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Биджев И.А.-Г.* Ситуации неопределенности как фактор российского политического процесса. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
2. *Дмитриев М., Белановский С., Мисихина С., Омельчук Т.* Движущие силы и перспективы политической трансформации России. Доклад Центра стратегических разработок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://svop.ru/files/meetings/m009013371564305.pdf>.
3. Изменение политических настроений россиян после президентских выборов. Доклад экспертов Центра стратегических разработок Комитету гражданских инициатив. Москва, октябрь 2012 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://docplayer.ru/25956607-Doklad-ekspertov-centra-strategicheskikh-razrabotok-komitetu-grazhdanskih-iniciativ-izmeneniya-politicheskikh-nastroeniy-rossiyan-posle-prezidentskih-vyborov.html>.
4. *Красиков С.А.* Управление социально-политическими рисками в условиях глобализации. Автореф. дисс. докт. полит. наук. Нижний Новгород, 2008.
5. *Левашов В.К.* Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 3 (103).
6. *Матвеева Н.* Социальная инерция. К определению понятия // Социологические исследования. 2004. № 4.
7. *Москвин Д.Е.* Институциональная неопределенность как фактор трансформации политической системы // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50.
8. *Палатников Д.Е.* Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Иваново, 2009.

9. *Фурман Д.Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010.
10. *Шевцова Л.* Деградация // Новая газета. 2010. 1 декабря.

REFERENCES

1. *Bijev A. I.-G.* Situation of uncertainty as a factor in the Russian political process. Abstract of thesis. Stavropol, 2009.
2. *Dmitriev M., Belanovsky S., Misikhina S., Omelchuk T.* Driving forces and prospects of political transformation of Russia. Report of the Center for strategic research. [Electronic resource]. URL: <http://svop.ru/files/meetings/m009013371564305.pdf>.
3. Changes in political attitudes of Russians after the presidential elections. The report of the experts of the Center for strategic research to the Committee of civil initiatives. Moscow, October 2012. [Electronic resource]. URL: <http://docplayer.ru/25956607-Doklad-ekspertov-centra-strategicheskikh-razrabotok-komitetu-grazhdanskih-iniciativ-izmeneniya-politicheskikh-nastroeniy-rossiyan-posle-prezidentskih-vyborov.html>.
4. *Krasikov S. A.* Managing socio-political risks in the context of globalization. Abstract of thesis. Nizhny Novgorod, 2008.
5. *Levashov V.K.* Russia at the turn in the socio-political trajectories of development // Public opinion monitoring. 2011. No. 3 (103).
6. *Matveeva N.* Social inertia. To the definition of // Sociological studies. 2004. No. 4.
7. *Moskvin D.* Institutional uncertainty as a factor of transformation of political system // Izvestiya of the Ural state University. 2007. No. 50.
8. *Palatnikov D.E.* the Role of social synergy in the knowledge of socio-political phenomena. Abstract of the thesis. Ivanovo, 2009.
9. *Furman D. E.* Movement of the spiral. The political system of Russia among other systems. М., 2010.
10. *Shevtsova L.* Degradation // Novaya Gazeta, 2010, 1 December.

8 июля 2017 г.